

УДК 338.2

Регион: экономика и социология, 2014, № 2 (82), с. 52–66

МИФЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: СИБИРСКИЙ «СЕПАРАТИЗМ»

В.В. Шмат

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках
приоритетного направления IX.88 (проект IX.88.1.2)*

Аннотация

Федеральный центр пытается выстроить взаимоотношения с регионами в рамках властной вертикали. Политика центра и монополизированного российского бизнеса ведет к реальному сужению компетенций и уменьшению финансовой базы саморазвития регионов, ставит под сомнение основополагающие принципы федерализма. Больше всего это бьет по интересам регионов Сибири и Дальнего Востока, но в итоге противоречит общенациональным интересам России. Вероятно, центр обеспокоен мнимой угрозой «сибирского сепаратизма», имеющей давнюю историю. Но сегодня для сохранения восточных территорий в составе России требуется прежде всего не административный ресурс, а реальная экономическая интеграция и «реиндустриализация» Сибири. Только экономически сильная Сибирь способна «приращивать могущество России».

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, регион, социально-экономическое развитие, сепаратизм, областничество, федерализм, интеграция

Abstract

The paper states the fact that the Federal Center is attempting to frame bonds with regions into vertical power structure. The bureaucratic politics model and the monopolized Russian business lead to actual limitation of competence and reduction of the financial base of regional self-development, as well as cast doubt on the fundamental principles of federalism. First and foremost, this situation infringes upon interests of Siberia and Far East, but in the end it contradicts with nationwide Russian ones. The Center may be concerned with a fictitious threat of «Siberian separatism» which has a long history. Still, nowadays, for Russia to retain eastern territories it does not need an administrative resource but an actual economic integration and reindustrialization of Siberia. It is only economically developed Siberia that is able to «increase Russia's might».

Keywords: Siberia, Far East, region, socio-economic development, separatism, regional separatism, federalism, integration

Федеральный центр и российский бизнес сходятся в своем неприятии сильных регионов, способных оказывать существенное влияние на процессы социально-экономического развития страны и реально участвовать в регулировании ключевых отраслей экономики. При этом оба главных игрока заинтересованы во взаимной конкуренции регионов. До определенной степени такая конкуренция объективно необходима, поскольку создает мотивации для эффективного регионального развития, а в итоге работает на благо страны. Но чтобы плюсы конкурентного федерализма (децентрализма) превалировали над минусами, которые присущи любой из моделей взаимодействия между центром и регионами, нужны как минимум два условия. С одной стороны, требуется сильное координирующее начало, но не в формате административно-властной вертикали и «державного перста», указующего, кому и что делать, а как действительные (не просто декларативные) общие цели развития, общие рамки и правила «игры», формируемые под стратегическим руководством федерального центра. С другой стороны, регионы должны иметь определенную самостоятельность и самодостаточность (прежде всего в финансовом отношении), чтобы полноценно решать задачи своего социально-экономического развития без постоянных оглядок на центр и не менее посто-

янных просьб о помощи. Прямая поддержка центра должна предоставляться только тем регионам, которые в ней объективно нуждаются. Если не будет выполнено первое условие, то межрегиональная конкуренция грозит превратиться в вакханалию; если не будет соблюдаться второе – конкуренция регионов станет больше похожа не на соперничество между серьезными и основательными хозяевами, а на ссору между обманутыми вкладчиками перед закрытыми дверями банка. Парадокс же состоит в том, что при отсутствии любого из условий складываются предпосылки для недовольства и усиления конфликтности во взаимоотношениях центра и регионов, т.е. предпосылки, в конечном счете создающие «питательную почву» для регионального сепаратизма.

Процессы, происходящие в последние годы, например, в крупнейших нефтегазовых регионах страны, невольно наталкивают на мысль, что федеральный центр опасается региональной самодостаточности, связывая ее с возможной утратой контроля за ситуацией в регионах. И вполне естественно, что на «особом счету» находятся субъекты Федерации, оказывающие значительное влияние на общенациональные экономические процессы и формирование доходной части федерального бюджета.

Задачи по усилению контроля над регионами центр решает в традиционной для себя манере с помощью административно-бюрократических подходов, связанных с выстраиванием властной вертикали. В качестве первого шага на этом пути можно назвать образование в 2000 г. федеральных округов, каждый из которых охватил один из макрорегионов страны, и учреждение института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе¹. Таким образом произошла концентрация функций по контролю и проведению федеральной политики в рамках иерархически организованной структуры (уследить за каждым субъектом Федерации из Москвы и вправду было нелегко). К тому же в социально-экономическом развитии взаимодействующих регионов должно присутствовать интегрирующее начало. В 1990-х годах та-

¹ Федеральные округа созданы Указом Президента РФ [1]. Однако в соответствии с Конституцией РФ федеральные округа не являются частью административно-территориального деления страны.

кую роль играли межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, созданные по инициативе «снизу», т.е. со стороны самих регионов. Но по мере успешного решения экономических проблем межрегиональные ассоциации стали набирать определенный политический вес и приобретать лоббистскую мощь, что не вписывалось в «картину российского мироздания» по замыслу федерального центра. Учредив федеральные округа и институт президентского представительства, центр оттеснил межрегиональные ассоциации на второй план, что хорошо видно на примере «Сибирского соглашения» (см., в частности, работы [2, 3]), и тем самым перехватил у регионов инициативу в решении интеграционных задач. Правда, межрегиональные ассоциации приобрели несколько иную, нежели прежде, окраску и стали в значительной степени фокусироваться на межрегиональной интеграции в следовании курсу федеральной региональной политики.

Следующим действием, направленным на реальное встраивание регионов в вертикаль власти, стало частичное административно-территориальное переустройство России с укрупнением ряда субъектов Федерации и, соответственно, с сокращением количества субъектов. Целесообразность переустройства мотивировалась в основном тем, что у нас было невероятно много субъектов Федерации – 89. Такого количества административно-территориальных единиц нет ни в одной стране мира с федеративным государственным устройством. Согласно общеизвестным постулатам теории управления, количество «единиц управления» должно колебаться между пятью и девятью, ибо в противном случае управленческие решения становятся неоптимальными. В одном из аналитических вестников Совета Федерации можно даже найти сетования по поводу того, «какой управленческий дисбаланс испытывает российский федерализм ввиду десятикратного превышения оптимального количества субъектов Федерации» [4]. Другим аргументом послужило чрезвычайное разнообразие регионов не только по площади территории, численности населения, уровню экономического и социального развития, но и по формам представительства в Совете Федерации.

Особые нарекания у идеологов переустройства вызывали так называемые «сложнопостроенные», или «матрешечные», территории – края

и области, в состав которых входили автономные округа со статусом субъекта Федерации, что создавало определенные сложности во взаимоотношениях. В реальной юрисдикции краевых и областных властей оказывались только районы, не относящиеся к автономиям (во многом это положение сохраняется и сегодня). По иронии судьбы, именно северные автономные округа оказались наиболее богаты разнообразными природными ресурсами. Поэтому консолидация «матрешечных» субъектов Федерации естественным образом сопрягалась с изменением структуры очень значимых регуляторных компетенций и направлений финансовых потоков. Объединительный процесс 2003–2008 гг. в целом протекал довольно непросто, несмотря на активную поддержку со стороны федерального центра, кровно заинтересованного в усилении влияния на регионы. Самой большой победой центра, безусловно, является воссоединение территорий Красноярского края с преобразованием его в единый субъект Федерации². Однако в автономных округах Севера, где сосредоточены основные нефтегазовые ресурсы, попытки объединения под эгидой областных столиц, утративших былой авторитет, встретили сопротивление, так что центр был вынужден отступить и отказаться от «лобовых атак» на самодостаточность территорий. Но в результате административных и бюджетно-налоговых реформ нефтегазовые автономии лишились основных регуляторных компетенций и прежней финансовой независимости от центра (см., например, работу [5]), а политические преобразования – переход к назначению губернаторов вместо всеобщих выборов и замена мажоритарной избирательной системы на пропорциональную при выборах в представительные органы власти – довершили начатое дело. Самодостаточность нефтегазовых автономных округов осталась в прошлом.

Но почему в понимании центра сила Федерации ассоциируется со слабостью ее субъектов? Складывается впечатление, что в самодостаточности регионов центр видит угрозу общенациональным интересам и государственно-территориальной целостности страны. Сказанное относится прежде всего к большим сибирским регионам, которые располагают значительными (или даже уникальными) ресурсами «высо-

² Всего было пять прецедентов объединения территорий, в результате чего количество субъектов Федерации сократилось до 83.

коликвидных» полезных ископаемых и потому играют чрезвычайно важную роль в национальной экономике. Центр боится потерять контроль над этими территориями? Тогда возникает еще один вопрос: на чем могут основываться страхи относительно сибирского «сепаратизма»? На теоретических изысканиях некоторых современных зарубежных историков? Например, Д. Ливен полагает, что если бы сибиряки в период распада СССР получили свободу и представительные местные институты, вокруг которых фокусировался бы региональный патриотизм, то они смогли бы выработать самостоятельную идентичность, а со временем, подобно Австралии или Канаде, перерасти в независимое государство-нацию. По мнению Ливена, новой России после падения СССР удалось остаться великой державой лишь благодаря тому, что она вобрала в себя «жемчужину имперской короны» – Сибирь [6].

Или эти страхи основаны на исторической памяти? Она подсказывает, что между центром и Сибирью начиная со времен покорения Ермаком и до наших дней всегда существовали определенные противоречия. Но такие противоречия сами по себе суть нормальное явление, и они движут процесс развития многонациональной страны, объединяющей в своих границах множество территорий с разнообразными характеристиками. Проблема заключается не в наличии противоречий, а в их масштабе и глубине, а также в том, существуют ли действенные институты и механизмы для справедливого и обоюдовыгодного разрешения противоречий между центром и регионами. Если нет адекватных средств для разрешения противоречий, то они могут приобретать антагонистический характер и выливаться в более или менее активные попытки сепаратизма со стороны регионов.

По трудам российских историков можно сделать вывод, что в истории взаимоотношений между центром и Сибирью реальные серьезные проявления сепаратизма имели место крайне редко и либо были связаны с неадекватной деятельностью крупных чиновников, назначенных самим же центром, либо активизировались в периоды острых общенациональных политических потрясений, которые делили всю страну на враждующие лагеря. Так, родоначальником сибирского сепаратизма считается первый губернатор Сибири князь Матвей Гагарин, повешенный в 1721 г. по приказу Петра I как взяточник и разоритель народа. В то время другие вельможные чиновники тоже крали, однако их не вешали. Существует версия, что ис-

тинной причиной казни первого сибирского губернатора стало его намерение сделаться в Сибири независимым от России правителем, каковые слухи дошли до царя [7]. Другой пример: 16 октября 1917 г. делегаты I Сибирского областного съезда приняли постановление «Областное устройство Сибири», определявшее статус Сибири в составе Российского государства, основные принципы функционирования автономии, структуру ее органов управления, их компетенцию и порядок формирования. Признавая единство Российской республики, документ предусматривал для ее частей национальную или территориальную автономию. Заявлялось, что Сибирь имеет право на автономию и в пределах полномочий, определенных «центральным парламентом», должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь кабинет министров и всенародно избранную Сибирскую областную думу. В 1918 г. некоторые сторонники автономии приняли участие в подготовке антибольшевистского восстания и вошли во временное Сибирское правительство, в дальнейшем сотрудничали с А.В. Колчаком, а после его поражения и окончательного установления Советской власти в Сибири эмигрировали за границу. Находясь в эмиграции, видные сторонники областничества продолжили разработку концепции территориальной самостоятельности Сибири уже с учетом опыта советского строительства. Причем во всех разработках отвергался сепаратизм [8].

В сущности, говоря о сибирском «сепаратизме», просто нельзя не употреблять кавычек по причине отсутствия какого-либо сепаратизма в действительности. Известные примеры сибирского «сепаратизма» в современной российской истории следует воспринимать скорее как историко-политические казусы, обусловленные «детской болезнью» демократии, нежели как реальные проявления сепаратизма [9]. Да и пришлось они в основном на начало 1990-х годов – период «парада суверенитетов», в значительной степени спровоцированного политической федеральных властей, проводившейся под лозунгом «берите суверенитета столько, сколько сможете». Если можно национальным автономиям, то почему нельзя Сибири? Откровенно экстремистские взгляды типа «Сибирь для сибиряков» и «хватит кормить Москву» по сути своей являются столь же сепаратистскими, как и великодержавные «Россия для русских» и «хватит кормить Кавказ». В многонациональной и многорегиональной России любые проявления экстремиз-

ма автоматически становятся и сепаратистскими, объективно разрушающими единство страны и государства, поскольку вносят раскол в общество, который захватывает не только социальный, но и территориальный срез взаимоотношений.

Ни сейчас, ни в прошлом сибиряки никогда не разыгрывали «национальную карту» и не использовали в качестве идейной основы националистические мотивы – в отличие от многих реальных движений за независимость в разных странах мира. Например, идеологи сибирского областничества, которому власти ставили в вину «сепаратизм», выступали в защиту не одной какой-нибудь национальной группы, а всего населения Сибири, отстаивали интересы территории, а не нации.

Вот как отзывался о мнимом сибирском «сепаратизме», пугавшем имперских чиновников и публицистов, известный русский писатель С.Я. Елпатьевский: «Были глупые разговоры “Московских ведомостей” о сибирском сепаратизме, но областничество было уже всеобщим сознанием Сибири. И всегдашним требованием от центральной власти было признание этого областничества, своих специальных нужд и прежде всего – права самим устраивать свою жизнь... Трудно учесть пределы и характер будущей эволюции Сибири, но, нужно думать, основные черты сибирского лица останутся те же...» [10, с. 60]. Мнение С.Я. Елпатьевского фактически разделял Ф. Нансен, совершивший в 1913 г. большое путешествие по Сибири и весьма скептически оценивавший возможности реализации сибирского «сепаратизма». Он полагал, что сибиряки никогда не забудут того, что они «русские», и будут всегда противопоставлять себя «азиатским народностям». Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи якобы вытягивали лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. По мнению Нансена, Сибирь представляла собой «естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян» [11].

Боязнь сепаратизма, в особенности мнимого, является характерной чертой имперской или колониальной политики, проводимой в хозяйственном или политическом отношении, что, в сущности, безразлично. И если федеральный центр сегодня на самом деле опасается сибирского «сепаратизма», значит, поиск путей для выстраивания сбалансированных отношений с регионами на принципах федерализ-

ма, а не субординации «начальника» и «подчиненного» слишком затянулся либо идет в неверном направлении. Стремление центра к победе над «призраком» сибирского «сепаратизма» в действительности равнозначно стремлению к победе бюрократического подхода к управлению над идеями разумной региональной автономизации, которые поддерживались всеми серьезными общественно-политическими силами Сибири начиная с середины XIX в., т.е. со времени зарождения сибирского областничества.

Одной из характерных примет нашего времени является то, что в предвыборных платформах политических партий, участвовавших в последних думских выборах и прошедших в Государственную думу РФ шестого созыва, практически не нашлось места вопросам, связанным с развитием федеративных отношений, с взаимоотношениями между центром и регионами, с реализацией объективных интересов регионов. Только в программном обращении Всероссийской политической партии «Единая Россия» в самом общем виде отражена позиция на этот счет: «Мы предоставим российским регионам и муниципалитетам больше полномочий и финансовых ресурсов, но и ответственность власти на местах будет выше... Намерены всеми силами поддержать самостоятельность, добровольчество, самоорганизацию, социальную активность и ответственность общественных структур и бизнеса в региональной и муниципальной жизни» [12]. В таком же лозунговом духе высказано отношение к вопросам федерализма в программе «Единой России» на президентских выборах: «Регионы должны иметь мощные стимулы для самостоятельного развития. Оставляя больше налогов в своем бюджете, они получают основу для роста экономики, новые возможности для улучшения жизни людей» [13].

В предвыборной программе В.В. Путина, которая была изложена в серии публикаций в начале 2012 г., в первых строках тезисов «О российском федерализме» речь идет об успешном преодолении «как открытого, так и латентного, “ползучего” сепаратизма, сращивания региональной власти с криминалом, националистическими группами». И лишь затем говорится о том, что «Центр должен уметь отдавать и перераспределять полномочия. И не только полномочия, но и источники финансирования местных и региональных бюджетов. Однако

при этом нельзя потерять управляемость страной. Нельзя “разбрасываться” государственной силой» [14]. То есть все-таки сделана весьма серьезная оговорка, которая означает, что «управляемость страной» ассоциируется исключительно с функциями центра. Помимо этого невольно возникает вопрос: что имеется в виду под «преодолением сепаратизма»? Искоренение проявлений сепаратизма и подавление сепаратистских политических сил и группировок? Если речь идет об этом, тогда, наверное, все так и есть. Но как быть с объективными противоречиями, существующими в федеративном государстве, которые при неадекватных способах разрешения создают и постоянно воспроизводят базу для возникновения и усиления сепаратистских настроений в разных регионах страны? Даже в Подмосковье, прямо «под боком» федеральных властей³.

Политика центра в последние годы была направлена скорее на то, чтобы «загнать вглубь» эти противоречия, нежели на то, чтобы найти способы разрешения, обоюдовыгодные для Федерации и регионов. В резюмирующем тезисе предвыборной программы В.В. Путина, отражающем фундаментальный взгляд на проблему, утверждается, что «многовековой опыт совместного исторического творчества разных народов в одном, едином Российском государстве... со всей очевидностью говорит и о том, что стране необходим сильный, дееспособный, пользующийся уважением федеральный Центр – ключевой политический стабилизатор баланса межрегиональных, межэтнических и межрелигиозных отношений. При этом наша историческая задача – в полной мере раскрыть потенциал российского федерализма, создать стимулы для деятельного, активного развития всех регионов страны» [14]. Центр снова оказывается на первом месте, а регионы – на втором. К тому же наш «многовековой исторический опыт» и по своей сущ-

³ По словам одного из лидеров движения за автономию домodedовцев, инициатива создания Русской Демократической Республики продиктована тем, что жители Домodedово оказались «в один миг гостями на собственной земле, где криминал, олигархи и коррумпированная власть установили свои преступные порядки, обложив местных жителей данью за проезд, пользование водой, взимая плату за сбор грибов и ягод в лесу, подвергая рейдерским захватам любую собственность в Домodedово» [15].

ности, и по форме является опытом имперского правления с его специфическими методами и с идеологией, основанной на «первичности» интересов центра как силы, олицетворяющей интересы и мощь всего государства, всей страны. Причем своей неуклюжей, а порою умышленной (по принципу «разделяй и властвуй») политикой имперский центр сам не единожды создавал противоречия и разжигал конфликты в межрегиональных, межэтнических и межрелигиозных отношениях. Насколько уместно такое позиционирование центра в условиях построения федеративного государства и системы федеративных отношений? Этот вопрос остается без ответа.

Едва ли не во всех современных политических программах и платформах гораздо больше, чем проблеме федерализма, уделяется внимания вопросам развития местного самоуправления, которое отнюдь не равнозначно самоуправлению субъектов Федерации. Крайне значимая по своей сути проблема местного или муниципального самоуправления существует практически во всех странах, совершенно независимо от их административно-территориального устройства. Россия в этом смысле не представляет исключения, и нам нужно активно развивать местное самоуправление, находящееся в почти запущенном состоянии. Но акцентировать внимание на этой проблеме на фоне проблем федерализма представляется не вполне правомерным, как будто современная Россия – это не федеративное государство и в сфере федеративных отношений у нас нет никаких сложностей и противоречий. По большому счету, мы вряд ли сможем всерьез продвинуться в развитии местного самоуправления до тех пор, пока адекватным образом не решим проблемы в области федерализма.

Среди политических программ, получивших широкую известность в ходе двух последних избирательных кампаний, попытки найти предметные подходы к решению проблемы федеративных отношений просматриваются, пожалуй, только в программе М. Прохорова, который видит «будущее России в планомерном отказе от пресловутой вертикали власти, в создании подлинно федеративного государства, субъекты Федерации которого обладают широкими правами и сближают уровень своего экономического развития, сохраняя при этом историческое и культурное своеобразие», и считает «жизненно необходимым созда-

ние стимулирующей развитие регионов бюджетной системы и максимальное использование инициатив регионального бизнеса» [16]. Такова общая формулировка программной идеи, которая раскрывается в ряде конкретных предложений и во многом переключается с областническими взглядами на проблему автономии Сибири.

Но все же общий нынешний политический фон навеивает чувство, что «кошмар» отделения Сибири от России не забыт и продолжает оставаться заметным фактором в политике взаимоотношений центра и сибирских регионов – словно столетие назад, когда имперский центр жил опасениями, что Сибирь, по примеру колоний западно-европейских стран, отделится и образует независимое государство. Между тем, как справедливо полагают современные историки, «осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичной власти, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и всеобщего недовольства, на которой и произрастал сибирский сепаратизм. Но это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Сибири» [17]. Не переросло во времена империи, не перерастет и сейчас, если бюрократическая политика центра не будет играть роль фактора, провоцирующего «раздражение» и «всеобщее недовольство».

М.В. Ломоносов предрекал, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном», имея в виду под Сибирью весь огромный край России, простирающийся к востоку от Урала до берегов Тихого океана. Пророчество великого русского ученого по-настоящему начало сбываться лишь в XX в., когда Сибирь укрепила могущество страны Кузбассом и Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом, каскадами ГЭС на Енисее и Ангаре, алмазными копиями Якутии, золотыми приисками Магадана, металлургическими комбинатами и машиностроительными заводами. Казалось, ничто не сможет помешать дальнейшему развитию этого процесса, но распад СССР, внутренние институционально-экономические трансформации и внешние кризисные воздействия стали серьезными факторами торможения, а в ряде случаев – отступления назад. Поэтому Сибири сегодня требуются «новые смыслы». Мы полностью солидарны с точ-

кой зрения, что Сибири нужна новая идеология развития, в основе которой «многопрофильная и развитая местная экономика, современная инфраструктура и уверенные в своем будущем сибиряки» [18]. Нужны новая индустриализация и новая интеграция. Эта идеология должна опираться на иной формат отношений с центром, нежели сегодня: «Будущее лежит под ногами, а не в Москве – важно перестать постоянно оглядываться на столицу и активнее искать точки роста у себя под носом... Центру же пора перестать относиться к Сибири как к некоему придатку, в котором сосредоточены природные ресурсы и гиганты индустрии. Сибирь в федеральной политике должна стать не объектом, а субъектом, который в рамках общих для всей страны задач самостоятельно определяет проекты и программы своего развития, вписывая их в глобальный контекст. Только так можно поддержать долгосрочный ресурс развития Сибири – активное и патриотичное население, способное сохранять и преобразовать территорию» [18].

Особое внимание должно быть обращено на развитие горизонтальных межрегиональных связей внутри Сибири, которую необходимо быстро и эффективно «связать» воедино. Материальная основа интеграции, или, точнее говоря, реинтеграции, должна быть создана путем модернизации транспортной инфраструктуры или даже возрождения некоторых ее составных частей, которые пришли в упадок в 1990–2000-х годах, и реиндустриализации, восстановления промышленного потенциала в обновленном качестве, что просто невозможно без тесной кооперации и рационального разделения труда между регионами. Организационно-экономическая предпосылка видится во взаимоувязке, координации стратегий и планов развития соседних регионов. К сожалению, сегодня региональные стратегии (по образу и подобию корпоративных) больше фокусируются на выявлении и использовании собственных конкурентных преимуществ тех или иных регионов, нежели на интеграционных аспектах развития. Конечно, межрегиональная конкуренция необходима и без нее не обойтись, но важно не «перегнуть палку» и не забывать, что кооперация регионов во многих случаях оказывается гораздо более продуктивной, чем взаимная конкуренция. Федеральный центр как общенациональная координирующая сила не уделяет должного внимания вопросам интегра-

ции и межрегиональной кооперации в социально-экономическом развитии Сибири. Значит, должна активизироваться инициатива «снизу», благо что существуют Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» и Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, которые могут и обязаны взять на себя многие координирующие функции, заполнив существующие «пробелы». Тогда можно будет всерьез говорить о практической реализации «новых смыслов» для Сибири, включая все ее нефтегазодобывающие территории. Последние же получают шанс избежать «жертвенной участи» в «шахматном поединке» между государством и крупным нефтегазовым бизнесом, который зашел в цугцванг, усиливающий стремление «игроков» к дальнейшим «жертвоприношениям». А какова при этом должна быть действительная роль федерального центра? Центр нашего государства не просто должен, но обязан сосредоточиться на решении задач по скорейшему и резкому усилению реинтеграции экономики Сибири и Дальнего Востока в национальную экономику России и тем самым противостоять реальным угрозам дезинтеграции страны с печальной перспективой утраты восточных территорий, а не мнимой угрозе сибирского «сепаратизма».

Литература

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
2. МАСС теряет в весе // Континент Сибирь. – 2002. – № 40. – URL: <http://www.ksonline.ru/nomer/ks/-/sec/archive/year/2002/month/11/jid/267/> (дата обращения 13.02.2014).
3. Селиверстов В., Афанаскин Ю. Три пятилетки «Сибирского соглашения» // Эксперт-Сибирь. – 2005. – № 36. – URL: <http://expert.ru/siberia/2005/36/> (дата обращения 13.02.2014).
4. Некоторые аспекты дискуссии о совершенствовании субъектного состава Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2002. – № 17 (173). – URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25583 (дата обращения 13.02.2014).
5. Токарев А.Н. Региональная дифференциация налогообложения в нефтяной отрасли России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 73–90.

6. **Lieven D.** Russia as empire: a comparative perspective // Reinterpreting Russia / Ed. by G. Hosking and R. Service. – L.: Hodder Education Publishers, 1999. – 240 p.
7. **Киселев Л.** Сибирский сепаратизм и его роковая судьба. – URL: <http://www.proza.ru/2009/08/04/620> (дата обращения 13.02.2014).
8. **Шиловский М.В.** Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков: Мат. науч.-теор. семинара / Отв. ред. Л.М. Дамешек. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2003. – С. 5–21. – URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/> (дата обращения 13.02.2014).
9. **Пятиминутный** путеводитель по... сибирскому сепаратизму // Esquire-Россия. – 2011. – Вып. 71. – URL: <http://esquire.ru/5-min-siberia> (дата обращения 13.02.2014).
10. **Былое:** неизданные номера журнала: В 2 кн. / Сост. Ф.М. Лурье. – Л.: Лениниздат, 1991. – Кн. 1. – 175 с.
11. **Нансен Ф.** В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Петроград: Изд. К.И. Ксидо, 1915. – URL: http://www.emaproject.com/lib_about.html?id=pb00002353 (дата обращения 13.02.2014).
12. **Предвыборная** программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. – URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения 13.02.2014).
13. **Предвыборная** программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). – URL: http://er.ru/party/presidential_election/ (дата обращения 13.02.2014).
14. **Демократия** и качество государства: Владимир Путин о развитии демократических институтов в России // Коммерсантъ. – 2012. – 6 февр.
15. **Жители** Домодедово объявили о создании республики, хотят интегрироваться в Евросоюз. – URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/10/01/n_2551605.shtml (дата обращения 13.02.2014).
16. **Михаил** Прохоров: настоящее будущее: Программа кандидата в президенты. – URL: <http://mdp2012.ru/program/federation.html> (дата обращения 13.02.2014).
17. **Ремнев А.** Призрак сепаратизма. – URL: <http://www.istrodina.com/rodina.php3?year=2000&num=05&sp=1> (дата обращения 13.02.2014).
18. **Козьмин А., Попов А.** Нужны новые смыслы // Эксперт-Сибирь. – 2011. – № 35. – URL: <http://expert.ru/siberia/2011/35/> (дата обращения: 13.02.2014).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.02.2014 г.